

Ю.А. Изюмова*

САМАРСКОЕ ОБЩЕСТВО «ДРУГ ДЕТЕЙ» И БОРЬБА С БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В 1920-Е ГГ.

Проблемам социальной политики молодого советского государства в последнее время посвящается все больше исторических работ¹. В них так или иначе затрагивается область материнства и детства, «женский» и «детский» вопросы. Также существует историография о деятельности общественных и государственных организаций, ставивших своей задачей борьбу с детской беспризорностью в 1920-30-е годы, в том числе о всероссийском добровольном обществе «Друг детей»². Однако проблема беспризорности в Самарской губернии мало изучена.

Исследователями отмечается прямая зависимость «детского вопроса» от гендерной политики советского государства. Провозглашенное равноправие полов создало множество проблем в первую очередь для женщин и детей. Проповедь свободной любви А. Коллонтай, легализация абортс с 1920 года, Кодекс о браке, семье и опеке, утвержденный ВЦИК в 1926 году, признавший гражданские браки и упростивший разводы, привели к увеличению неполных семей, сокращению рождаемости, росту безотцовщины и числа беспризорных детей.

В первые послереволюционные годы формировался дискурс общественного или социального воспитания детей. Советские чиновники считали, что «основной направляющей организационной формой социального воспитания детей должен быть Детский Дом, который охватывает полностью жизнь, воспитание и обучение ребенка в обстановке детской общественности без разлагающего влияния семьи»³. В 1920-е годы создавалась система общественных яслей и детских домов казарменного типа, направленная на максимальное отторжение ребенка от семьи и раннее включение его в коллектив.

Эти идеи и, в частности, взгляды А.М. Коллонтай, доходили до провинциальной женской аудитории. Соответствующая риторика адекватно использовалась, например, беспартийными работницами Ставрополя. На конференции в 1920 году женщины следующим образом высказались по вопросу социального воспитания: «желаем, чтобы как можно скорее полностью проводились в жизнь декреты о социальном воспитании детей... так как мы сами не в силах дать настоящее воспитание, какое необходимо человеку для того чтобы лучше совершенствоваться и стать настоящим всесторонником и общественно-полезным гражданином»⁴.

Однако в описаниях будней детских домов Самары подобная риторика встречается разве что в документах 1918 года. Например, на собрании заведующих детскими домами и делегатов от учителей и прислуги было решено «немедленно приступить» к организации самоуправления детей по американскому типу. На заседании губернского отдела социального обеспечения

* к.и.н., ассистент кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований СамГУ.

также обсуждались вопросы введения культуры в жизнь воспитанников детских домов. Однако уже с весны 1919 года в докладах заведующей губсобесом появляется тревога о другом: беспризорных детей было уже 5 000 и они все «прибывали и прибывали»⁵.

Голод в Поволжье в 1920-21 годах добавил тысячи сирот и беженцев, и речь шла не о культурном развитии, а о спасении детей от голодной смерти. Для решения проблемы в масштабах страны в январе 1921 года при ВЦИК была создана Комиссия по улучшению жизни детей и по борьбе с детской беспризорностью (Деткомиссия) под руководством Ф.Э. Дзержинского.

В Самаре по состоянию на 1918 год имелось 6 детских домов. Мест, которые они могли предоставить, оказалось недостаточно. По сведениям губернского отдела народного образования на ноябрь 1921 года, в них содержалось 5644 человека. 13 ноября 1921 года в городе был открыт Центральный детский коллектор (приют для детей улицы). Кроме него работали еще несколько приемников, которые являлись промежуточным этапом перед отправкой в детские дома (или больницы). Дети поступали в них как с улицы, так и от родителей, не имеющих возможности их содержать. Кроме того, в Самару прибывали эвакуированные из других губерний.

Все учреждения были переполнены: осенью 1921 года в них прибывало в среднем по 30 человек ежедневно, продовольственное снабжение было скудно, санитарное состояние – ужасно. Сотрудники самарского боевого эпидемического отряда коммунистов, инспектируя в ноябре 1921 года детский приемник №3, отмечали: «в изоляторе невыносимый холод, нету печей, больные дети плачут от холода»⁶. За два месяца число детей в этом приемнике увеличилось более чем в два раза; они поступали настолько интенсивно, что им перестали вести счет: «налицо детей точного количества дать нельзя так как книг никаких не ведется, около 800 человек...»⁷ В пятом приемнике несколько месяцев не было кипяченой воды: распаялся куб. Вместе со здоровыми детьми в приемнике неделями находились больные тифом и другими инфекционными заболеваниями, которых не могли отправить в больницу за неимением транспорта. При обследовании самарского Центрального детского коллектора в январе 1923 года отмечалось: «Второй день нет отопления при 20-ти градусном морозе: не подвезли мазут. Нет электрических лампочек и даже палаты с больными детьми в ночное время остаются без света... Все внутренние помещения сильно загрязнены – в палатах не подметено, на полу плевки, сор. Скорлупа от семечек, за батареями мусор, пыль, в уборной для мальчиков грязь» На момент осмотра в коллекторе находилось 938 детей (из них почти половина – больных) при 564 фактически развернутых койках. Санитарный инспектор писал: «Скученность ужасная. Масса вшей, есть клопы. Большая часть детей ходит босиком – нет туфель. Благодаря холоду – бешенная заболеваемость... При коллекторе имеется прачечная, но таковая на момент осмотра не работала, ибо вода и белье в корытах замерзли»⁸.

Холод, болезни, насекомые, нехватка кроватей, белья – вот основные черты детских приемников в 1921-22 гг. При этом в документах эпидотряда не упоминается о нехватке продовольствия, наоборот, отмечается двух или трехразовое питание «с хлебом».

В первой половине 1920-х годов гигиеническая и медицинская составляющие в работе детских учреждений господствовали над воспитательной. Это

видно и по штатным расписаниям: из 93 человек, работающих в Центральном коллекторе, только шестеро были воспитателями (на неполную тысячу детей). Остальной штат составляли 15 медицинских работников, 3 дезинфектора, 26 человек ухаживающего и 42 административно-хозяйственного персонала.

Отношения воспитателей и детей – тема, широко освещенная в литературе и кинематографии. О страстях, кипевших в детдомах Самары, свидетельствует следующий документ из фонда Центрального детского коллектора. После увольнения одного из воспитателей «за непозволительное обращение с детьми», на имя начальника коллектора поступило коллективное письмо от детей первого отделения ЦДК. Тест его таков: «Т. Начальник Мы все дети 1-го отделения просим Вас оставить нам нашего воспитателя Георгия Осиповича. Лучше его у нас не было и не будет он нас и учил и рассказывал а потому еще раз просим Играл с нами и гимнастикой. Мы слышали что он бил детей Это неправда это выдумали и если вы не оставите, его мы в исполком напишем»⁹. Под этим письмом стоит более ста детских подписей.

На этом фоне удивительно благополучным выглядит описание детских домов Самары, составленное в марте 1922 года¹⁰. Из обследованных семи состояний только одного из них было признано неудовлетворительным: «помещение крайне грязное, закопченное, неудобное» и холодное. Проверяющими была отдельно отмечена педагогическая работа. С детьми занимались чтением, письмом, арифметикой, историей, ручным трудом, музыкой, а в одном случае – еще и рисованием, лепкой, пластикой и английским языком. В ряде случаев проверяющие оценивали и эмоциональные отношения между детьми и персоналом: «видно, что дети пользуются и любовью и лаской» (в детдоме для дошкольников), «умелый подход к детям», «любовь к детям».

Начиная с 1924–25 годов борьба с беспризорностью приняла форму всенародной кампании. В 1924 году повсеместно в регионах возникали общества «Друг Детей», в которые по призыву фабрично-заводских комитетов на каждом предприятии и профсоюзов в каждом учреждении вступали тысячи граждан. К осени такие общественные организации имелись в 32 губерниях, число членов составило свыше полумиллиона человек¹¹. 15 мая 1924 года Общество друзей беспризорного ребенка (ОДБР) было создано в Самаре.

ОДБР имело целью обследование семей и оказание помощи беспризорным детям. Таковых на апрель 1924 года в губернии насчитывалось 29 454 ребенка¹². В первую очередь Общество занялось сбором денег и вещей. Также были организованы 2 детских дома, приемник, общежитие, ночлежка и Жигулевский совхоз, где, помимо прочих, содержались больные туберкулезом. При общежитии были открыты мастерские для обучения детей столярному, сапожному делу, плетению корзин и – для девочек – кройке и шитью. Таким образом, на полном содержании Общества в начале 1925 года находился 421 ребенок¹³. Доходы ОДБР от членских взносов, пожертвований, а также разнообразных базаров, лотерей и концертов, использовались на капитальный ремонт выделенных помещений, питание и обмундирование воспитанников, оплату персонала и так далее. Кроме того, ОДБР оказывало материальную помощь на дому тем семьям, которые хотели отказаться от детей из-за тяжелого материального положения.

Буквально за два года своего существования Общество из организации, содействующей губернским отделам народного образования (Губнароб),

здравоохранения (Губздрав) и деткомиссии, превратилось в самостоятельную единицу, и ее деятельность шла параллельно работе отдела народного образования. Это вызвало недовольство как Губнароба, так и губдеткомиссии. На фоне постепенного уменьшения благотворительных поступлений и нехватки средств, Общество столкнулось с рядом организационных трудностей. В 1926 году было решено расформировать собственные стационарные детские учреждения и, с помощью Губнароба, передать большую часть детей в крестьянские хозяйства.

Губернская деткомиссия рекомендовала Обществу строить свою работу в направлении профилактики беспризорности, привлечения к этой проблеме общественного внимания и дополнительных средств. Отказавшись от содержания собственных детских учреждений, ОДБР сосредоточилось на оказании материальной помощи городским и губернским организациям, ведущим работу с беспризорными детьми. Кроме того, Общество оказывало нуждающимся помощь на дому, подыскивало им работу, пытались сформировать денежный фонд для постройки дома-колонии, брало шефство над детскими домами. Горнароб, Губздрав и другие организации охотно брали собранные Обществом деньги, но в целом его деятельность игнорировали. Председатель Общества Суворов писал: «ячейки на местах зачастую не получают никакой абсолютно поддержки со стороны профессиональных и партийных организаций». Спустя два года следующий председатель – Аракчеев – также с горечью отмечал: «ни одна из вышестоящих организаций совершенно не интересовалась состоянием и работой нашего общества. Деловые конференции и совещания, обсуждающие детские вопросы, проводились без ведома Общества, а что касается профсоюзов, комсомола и бюро ДКО, то последние абсолютно никакой работы... не предпринимали и на наши просьбы отзывались так, что заняты другими более важными вопросами и на наши просьбы говорили, что когда будет время, то мы вас известим»¹⁴.

В 1927 году ОДБР решило реорганизоваться в Общество «Друг детей» (ОДД) по типу других региональных обществ. ОДД расширило круг своих задач, включив в него улучшение быта детей вообще, в том числе пионеров, школьников, воспитанников детских садов, яслей. Реорганизация позволила ликвидировать формальные ячейки: в 1927 году в ОДБР числилось 15 000 человек при 150 ячейках содействия, из которых действительно работали только 25%. На август 1928 года ОДД насчитывало 87 ячеек и 5 730 членов, из них 573 члена ВКП(б) и 341 комсомолец. Не следует думать, что защита детей была преимущественно женским делом: по данным ОДД, большинство его членов были мужчины¹⁵. Общество быстро росло: на сентябрь 1929 года в окружном ОДД было уже 123 ячейки и 8 182 члена. Самым слабым звеном была деревня: общество работало главным образом в городах. Доходы ОДД составляли членские взносы, пожертвования частных и юридических лиц, доходы от лотерей и буфетов.

Начиная с 1929 года, Самара пережила новую волну беспризорников, источником которой стала коллективизация. По данным Крайдеткомиссии, в 1928/29 году в девяти детских учреждениях г. Самары содержалось 530 воспитанников. За год было принято 250 детей, из них 200 – подобрано с улицы. В этом году был открыт еще один приемник, рассчитанный на 65 детей, и он тут же был переполнен.

ОДД регулярно обследовало состояние детских учреждений. Во время инспекции приемника №1 члены общества увидели следующую картину: «Ребята, взятые с улицы, по нескольку дней валяются на полу и невымытые...» Ситуацию сотрудники приемника «объясняют тем, что нет чистого белья, а потому ребят и не моют. Имеется библиотечка, но ребята ею не пользуются, так как она находится в комнате заведующей. Были жалобы со стороны детей на то, что их воспитатели бьют. Никакой воспитательной и педагогической работы среди детей не ведется»¹⁶.

ОДД помогало, чем могло. Кроме материальной помощи, покупки белья воспитанникам детских домов, проводились праздничные вечера, приуроченные к годовщине Октября, с подарками и угощениями. Взяв на себя заботу обо всех категориях детей, ОДД организовало 7 детских открытых площадок, один детский сад, оплачивало горячие завтраки школьников. С детскими садами ситуация была напряженной: несмотря на пропаганду общественного воспитания в Самаре в 1928/29 году был только 1 детский сад на 40 человек и 2 яслей на 115 малышей.

На окружной конференции 1929 года было решено «развернуть внешкольную работу в части организации детского досуга, путем создания всевозможных игр...» Для этого Общество организовало 2-х месячные курсы своего актива по дошкольному воспитанию. Из записавшихся 54-х человек удовлетворительно окончили курсы чуть меньше половины. Эти активисты проходили практику в детских домах и на площадках.

В 1929-30 гг. изменилось лицо самарской беспризорности и соответственно характер деятельности ОДД. Детскую беспризорность сменила подростковая: из 220 подобранных на улице детей во время «декады охраны детства» в 1930 году только 34 человека были младше 16 лет. Появляется проблема подростков-рецидивистов, растут детские правонарушения среди организованных детей – пионеров, школьников. В 1931 году в документах Средне-волжской крайдеткомиссии появляется термин «контингент» по отношению к воспитанникам детских домов.

Наиболее актуальной становится проблема трудоустройства подростков – выпускников детских домов. По правилам, детдома могли производить выпуск только в ФЗУ, имеющие общежития. На практике это было не всегда возможно, и некоторые дети возвращались к родным, некоторые отправлялись в колхозы, часть поступала в техникумы, профшколы, на различные курсы, но большинство все же пополняло ФЗУ. Однако найти работу после окончания училища было сложно, и в архиве сохранились многочисленные направления на биржу труда, подписанные ответственным секретарем Крайдеткомиссии Трудолюбовой (одновременно членом президиума ОДД), с ходатайствами о подростках, не имеющих средств к существованию.

Пытаясь помочь охватить детдомовцев «трудподготовкой», самарское ОДД с осени 1929 года начало открывать собственные учебно-производственные мастерские. Буквально за полгода были открыты: шляпно-кукольная, штамповочная, кроватно-кузнечная и мебельная, жестяно-медно-никелировочная и лудильная мастерские, слесарный цех, 4 парикмахерских, 2 столовых, 1 пошивочная. На трехгодичный срок обучения было принято 160 детдомовцев. Заведующий мастерскими Липский отмечал, что дети были плохо одеты и

разуты. ОДД приобрело для них 159 пар зимней и 83 пары летней обуви – то есть больше половины обитателей детдомов были вообще босыми, а зимней обуви не имел практически никто. В списке закупленной одежды для детей – костюмы, шапки, и даже лыжи.

Мастерские приносили прибыль. Подводя финансовые итоги за 1929/30 год, ОДД отмечало, что чистая прибыль от мастерских составила 79 764 руб. 19 коп., в то время как от ячеек и юридических членов общества поступило 3 890 руб. 15 коп. и разных добровольных пожертвований 1 063 руб. 20 коп.¹⁷

В 1931 году «Друг детей» было официально оформлено как единое всероссийское общество, и самарское ОДД стало его частью. Всероссийское ОДД объединяло около 1,3 млн. человек. Устав общества, принятый на съезде, предусматривал его участие в борьбе за всеобщее образование, ликвидацию безнадзорности детей, широкое содействие школе в учебно-воспитательной работе, в материальном оснащении, в организации детских садов, яслей, культурно-бытовых учреждений. Важными критериями педагогической работы с детьми стали их участие в «социалистическом строительстве» и «смычке с деревней», охват пионерской организацией и комсомолом.

Таким образом, общество «Друг детей» перешло от борьбы с беспризорностью к борьбе с безнадзорностью. Термин «безнадзорность» был окончательно определен постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 года как отсутствие родительской заботы о ребенке и контроля за ним. В первой половине 1930-х годов, в соответствии с общей тенденцией усиления государственного контроля, функции ОДД постепенно перенимали деткомиссии, а в 1935 году общество было распушено.

Примечания

¹ Например: Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX век. Саратов, 2005; Советская социальная политика 1920-1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007.

² Жукова Л.А. Государственные учреждения и общественные организации в борьбе за ликвидацию детской беспризорности в РСФСР (1917-1932 гг.) Дис... канд. историч. наук. М., 1983; Нечаева А.М. Охрана детей-сирот в России. М., 1994; Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. №1. С. 134-139.

³ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 60. Д. 60. Л. 29.

⁴ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д. 414. Л. 3.

⁵ Цит. по: Шилова О.И. Формирование и развитие органов и учреждений системы социального обеспечения в Самарском крае (1918-1940). Дис...канд. историч. наук. Самара, 2006. С. 39-58.

⁶ ГАСО. Ф. Р-2871. Оп.1. Д.18. Л. 13.

⁷ Там же. Л. 105.

⁸ ГАСО. Ф. Р-8. Оп.1. Д.19. Л. 4, 4 об.

⁹ ГАСО. Ф. Р-8. Оп.1. Д.9. Л. 66, 66 об. Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

¹⁰ Обследование было проведено представителями Соцвоса Самгубнароба, Самгубженотдела и Окрокмпомголод ПРИВО. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп.1. Д. 926. Л. 1-3.

¹¹ Жукова Л., Ульянова Г. «Не имея родного угла»: исторический опыт борьбы с беспризорностью детей. Доступно по адресу: <http://his.1september.ru/2003/39/10.htm>

¹² ГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.701. Л. 55.

¹³ ГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д. 700. Л. 67.

¹⁴ СОГАСПИ. Ф.53, Оп.1.Д.1135. Л. 25 об.; ГАСО. Ф. Р-1198. Оп.2. Д.4. Л. 12.

¹⁵ ГАСО. Ф. Р-1198. Оп.2. Д.5. Л.54.

¹⁶ Там же. Л.29.

¹⁷ ГАСО. Ф. Р-1198 Оп.2. Д.4. Л. 25-26.